

УДК 930.2
ББК 63.2
Д18

Рукопись подготовлена в рамках грантового проекта НИУ ВШЭ
по изданию авторских учебников

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель департамента истории
Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН, член Совета по науке
и образованию при Президенте РФ
Е.В. Анисимов;

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
О.И. Тогоева

Д18 **Данилевский, И. Н.** Историческая текстология [Текст]: учеб. пособие / И. Н. Данилевский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — (Учебники Высшей школы экономики). — 556, [4] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1707-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1837-3 (e-book).

Впервые в историографии историческая текстология представлена в качестве самостоятельной дисциплины, являющейся важной составной частью профессиональной подготовки историка. В учебном пособии подробно разбираются теоретические вопросы, связанные с определением текста как источника ретроспективной информации, а также основные термины исторической текстологии и показывается, в чем состоит ее отличие от классической филологической текстологии. Рассматривается специфика текстологических процедур в источниковедческом и конкретно-историческом исследовании и прослеживается тесная связь исторической текстологии с различными историческими и вспомогательными для истории дисциплинами.

Особое место в книге занимает раздел, посвященный анализу конкретных историко-текстологических «казусов» — научных реконструкций прошлого, иллюстрирующих теоретические положения учебника. Среди них такие яркие сюжеты, как происхождение древнерусских князей по материнской линии и кровные узы князя Игоря с половцами; «окаянный» Святополк и Антихрист; Лобное место как Голгофа и опричная политика Ивана Грозного как ожидание конца света.

Для студентов магистерских программ, обучающихся по направлениям «История» и «История искусства», аспирантов гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся природой исторического знания и способами его получения.

УДК 930.2
ББК 63.2

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-1707-9

ISBN 978-5-7598-1707-9 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1837-3 (e-book)

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Текстология и историческое источниковедение	12
Текстология филологическая и текстология историческая	27
РАЗДЕЛ 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ	
ГЛАВА 1. ТЕКСТ	33
1.1. Общее понятие текста	33
1.2. Вербальные тексты: проблемы перекодировки	40
1.3. Невербальные тексты: проблемы перекодировки	47
1.4. Автор — переписчик — редактор	53
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	60
2.1. Становление понятия источника ретроспективной информации в истории	60
2.2. Текст как исторический источник	69
2.3. Исторический источник с точки зрения текстологии	72
2.4. Исторический источник — произведение — памятник: соотношение понятий	81
ГЛАВА 3. СПИСКИ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА И ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ	87
3.1. Списки исторического источника	87
3.2. Изводы исторического источника	92
3.3. Редакции исторического источника	94
3.4. Оригинальные и производные произведения	99
3.5. Понятие протографа	102
РАЗДЕЛ 2. ОБЩИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
ГЛАВА 4. УСТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	109
4.1. Прочтение текста исторического источника	109
4.2. Реставрация текста исторического источника	120
4.3. Реконструкция текста исторического источника	121
4.4. Общая характеристика источника	129
4.5. Понимание текста	134
ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ ТЕКСТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	146
5.1. Сличение текстов списков исторических источников	146
5.2. Относительная датировка списков	148

5.3. Локализация текстов и их списков.....	163	
5.4. Фиксация результатов сличения текстов исторического источника	178	
РАЗДЕЛ 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		
ГЛАВА 6. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ		189
6.1. Интуитивная оценка ретроспективной информации.....	189	
6.2. Повторяющаяся ретроспективная информация в тексте исторического источника.....	194	
6.3. Круг чтения автора исторического источника.....	212	
ГЛАВА 7. ВЫЯВЛЕНИЕ И ОБРАБОТКА ВЕРИФИЦИРУЕМОЙ И УНИКАЛЬНОЙ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....		242
7.1. Проблемы идентификации ретроспективной информации	243	
7.2. Дифференциация и обработка верифицируемой и уникальной ретроспективной информации	251	
7.3. Пространственные указания как основание идентификации описываемых событий	265	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОШЛОГО (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)		317
ПРИЛОЖЕНИЯ		320
Эккурс 1. Казус восточнославянских «племенных союзов»	320	
Эккурс 2. Казус древнерусских князей: «свои» или «чужие»?.....	328	
Эккурс 3. Казус Святополка Окаянного.....	334	
Эккурс 4. Казус Остромирова Евангелия	349	
Эккурс 5. Казус Изборника 1076 года	354	
Эккурс 6. Казус трубачей	358	
Эккурс 7. Казус Кузмища Киянина.....	363	
Эккурс 8. Казус «Слова о полку Игореве»	372	
Эккурс 9. Казус битвы на Калке	379	
Эккурс 10. Казус Невской битвы.....	417	
Эккурс 11. Казус Ледового побоища	429	
Эккурс 12. Казус Куликовской битвы	446	
Эккурс 13. Казус Сергия Радонежского.....	475	
Эккурс 14. Казус Опричного дворца Ивана Грозного	482	
УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....		495
УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ		499
УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ		533
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ		539

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как и все гуманитарии, историки изучают тексты. Именно тексты доносят до нас ретроспективную информацию, которая является основой любого исторического исследования. Именно тексты исторических источников — единственный критерий достоверности полученных историком результатов исследования. При этом каждая из гуманитарных дисциплин имеет свои специфические особенности исследования текстов. Есть они и в исторической науке.

Данный курс является составной частью профессиональной подготовки историка. Он тесно связан с курсами исторического источниковедения, теории источниковедения, а также со специальными историческими и вспомогательными для истории дисциплинами. В основе пособия лежат курсы лекций, которые на протяжении ряда лет читались слушателям магистерских программ Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Основные вопросы исторической текстологии будут рассматриваться здесь преимущественно на примерах древнерусских источников XI–XVII вв. Однако все описываемые процедуры работы с текстами применимы к источникам любой страны и любого времени.

Примеры (казусы) описываемых положений и методик, требующие подробных комментариев, которые нарушают изложение основного материала, вынесены в приложения в виде экскурсов.

Автор приносит глубокую благодарность всем, кто так или иначе принимал участие в обсуждении этой книги или ее фрагментов и чьи замечания позволили несколько улучшить ее содержание. Естественно, все недостатки ее остаются на совести автора, и он будет признателен за любые замечания и критические рекомендации, которые позволят развивать курс исторической текстологии.

ВВЕДЕНИЕ

Под текстологией в настоящее время понимается «историко-филологическая дисциплина, изучающая становление и функционирование текстов в письменных и бесписьменных культурах. Центральным объектом изучения текстологии является текст вербальный, т.е. выраженный с помощью знаков естественного языка, но существует и т[екстология] невербальных источников (в частности, музыкальных произведений). В ряде работ целью текстологического исследования называется “установление точного текста исторических документов” и “литературных произведений”¹. <...> Однако практика показала, что критерии качества текста в значительной степени субъективны и могут радикально изменяться по мере развития представлений об истории языка, литературных установках и событийной канве изучаемой эпохи. В силу этого <...> эдиционные задачи текстологии отступают на второй план, а реконструкции текстов, хотя и продолжают создаваться, но служат по преимуществу в качестве иллюстраций к построениям ученых. <...> Основной методикой текстологии является сопоставление версий текста между собой, результатом чего становится выявление разночтений, которые подвергаются той или иной интерпретации <...>. Перспективным направлением текстологии средневековых письменных источников является лингвотекстология, в рамках которой разновременные слои текста разграничиваются на основании языковых примет...»²

Такое определение подводит итог длительному развитию теории и практики работы филологов с текстами, в частности, направлению, которое до конца 20-х годов прошлого века именовалось *критикой текста*. Оно сформировалось на основании опыта, накопленного античными филологами, которые называли себя грамматиками, а свою работу по исправлению текстов классических произведений — *критикой* (от греч. κρίνω — ‘выбирать; толковать, объяснять’), и особенно средневековыми богословами, занимавшимися библейской критикой (выяснением подлинности ветхозаветных и новозаветных текстов, обстоятельств их появления, установлением правильных чтений и объяснением содержания их текстов)³. В конце XVIII — первой

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Стб. 177 [ссылка Д.А. Добровольского].

² Добровольский Д.А. Текстология // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 478–479.

³ Подробнее об истории библейской критики до начала XX в. см.: Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996. С. 92–153; Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2001. С. 14–15, 147–155; и др.

половине XIX в. использование критических методов при издании классических текстов было упорядочено тремя немецкими филологами: Фридрихом Вольфом, Иммануилом Беккером и Карлом Лахманом. Они сформулировали основные правила и принципы (так называемый *классический метод*) критического изучения текста. Одновременно с ними Август-Людвиг Шлёцер попытался использовать приемы критики текста для изучения древнерусских летописей⁴, заложив тем самым основы русской научной исторической критики. Несколько позже Леопольд фон Ранке использовал в исторических исследованиях филологический метод, близкий к критическому методу И. Беккера⁵. В 1804–1805 гг. Ф. Шлейермахер, приступивший к разработке исторического аспекта филологической критики, предложил отделить общую теорию понимания текста (*герменевтику*) от собственно его *критики* (которые до того рассматривались как составные части критики текста, в частности, Священного Писания, которым и занимался Ф. Шлейермахер). Это считается началом текстологии как самостоятельно направленного направления работы с текстами.

Если в первые десятилетия *критика текста* развивалась преимущественно в рамках библеистики, то к концу XIX в. ее результаты и методы стали широко использоваться и при изучении светских текстов. Хотя приемы и методы критики текста в XIX в. были распространены и на литературу нового времени, ее дальнейшее развитие продолжало определяться преимущественно работами филологов-классиков и медиевистов. В Западной Европе это, прежде всего, были исследования, посвященные анализу позднесредневекового немецкого эпоса⁶, в России — работы по изучению «Слова о полку Игореве». Подобно «Слову о полку Игореве», «Кудруна» (эпическая поэма первой половины XIII в.) сохранилась в единственном списке начала XVI в. При первой публикации в 1820 г. издатели внесли в ее текст исправления и конъектуры⁷. Впоследствии текст «Кудруны» неоднократно «корректировался» путем различного разбиения на строфы, изменения их порядка и исключения некоторых из них, исправления языковых форм и т.п., что создавало дополнительные сложности в установлении текста этого произведения. Аналогичную судьбу, как известно, имело «Слово о полку Игореве». Это и определило общие направления в их изучении: они

⁴ Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером. Ч. 1–3. СПб., 1809–1819 [нем. изд. вышло в Геттингене в 1802–1805 гг.].

⁵ Описание этого метода см. в кн.: Ranke L., von. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berlin, 1824.

⁶ Подробнее см.: Френкель Р.В. Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе // Кудруна / подг. текста Р.В. Френкель. М., 1984. С. 292–368.

⁷ От лат. *conjectura* — ‘догадка, предположение’.

стали своеобразным полигоном для разработки новых, все более тонких методов анализа текстов.

Существенную роль в развитии критического метода изучения исторических источников в России сыграли исследования представителей скептической школы. Ее скептицизм, по словам создателя направления М.Т. Каченовского, был «не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравнении текстов»⁸. В то же время российские историки и филологи неоднократно предпринимали попытки критического изучения летописных текстов. В частности, основываясь на выводе П.М. Строева, что летописи представляют собой своды материалов, имевшихся в распоряжении летописцев⁹, К.Н. Бестужев-Рюмин в середине XIX в. поставил задачу «расшивки» сохранившихся летописных текстов на тексты предшествующих сводов¹⁰. Он исходил из того, что реальные тексты — «архив, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной русской литературы»¹¹. Однако разработать методику, позволяющую выделить отдельные «нити», из которых состоит этот «клубок текстов разного цвета и качества», и воссоздать первоначальный вид предшествующих текстов, исследователь так и не смог. Тем не менее на этом этапе изучения летописей стало ясно: каждый летописец стремился максимально точно передавать тексты предыдущих летописных сводов, которые он использовал в своей работе. Из чего следовало, что сравнительно поздние их списки XIV–XVI вв. могли вполне удовлетворительно сохранять тексты летописей предшествующих веков. Уже это само по себе давало основания для продолжения разработки методов критики текста, которые позволили бы воссоздавать летописи, не дошедшие до нового времени.

Этапными в развитии критики текста стали исследования А.А. Шахматова по древнерусскому летописанию. На основе сопоставления всех доступных ему списков летописей Шахматов выявил присущие им разночтения и общие места. Систематический анализ обнаруженных разночтений, их классификация и комплексное объяснение позволили установить списки, имеющие совпадающие чтения. Такая предварительная работа дала возможность исследователю сгруппировать списки по редакциям и выдвинуть ряд взаимодополняющих гипотез, объясняющих возникновение этих разночтений и совпадений. Разночтения, совпадающие в нескольких

⁸ Каченовский М.Т. О римской истории Нибура // Вестник Европы. 1830. № 17–20. С. 75 (курсив мой. — И. Д.).

⁹ Строев П.М. Предисловие // Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год. М., 1820. Ч. 1. С. X.

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. 1: Повесть временных лет; 2: Летописи южно-русские. СПб., 1868.

¹¹ Там же. С. 87.

списках, возводились к общему протографу всех этих списков. Сопоставление реконструированных гипотетических сводов позволяло, в свою очередь, выявить ряд общих черт, присущих некоторым из них. Таким путем были воссозданы предполагаемые исходные летописные тексты. При этом оказалось, что многие фрагменты летописного изложения заимствовались из очень ранних сводов, что, в свою очередь, дало возможность перейти к реконструкции древнейшего русского летописания. Выводы А.А. Шахматова — и эффективность предложенной им методики — получили полное подтверждение, когда был найден Московский свод 1408 г., существование которого предсказал исследователь.

Дело, однако, осложнялось тем, что А.А. Шахматов не оставил эксплицитного описания применявшейся им методики. Она стала ясна лишь после публикации его рабочих тетрадей¹². Тем не менее именно с начала XX в. критика текста (сам А.А. Шахматов, его последователи и оппоненты колебались в точной характеристике применявшегося им метода) приобрела более или менее завершенные очертания.

Систематическое изложение основных принципов филологической критики текста впервые было осуществлено Б.В. Томашевским. Он же, как принято считать, предложил и новое название для этой дисциплины: *текстология*¹³. Действительно, впервые на страницах специальных изданий оно появилось в его работе «Писатель и книга». Однако то, как его упоминает автор, заставляет сомневаться в широко распространенном мнении, будто этот термин был «изобретен» именно Б.В. Томашевским. «В современной филологии выработалась некоторая система приемов критики текста <...>, — писал он. — Эту систему филологических приемов принято обозначать словом “текстология” <...>. Текстология не есть специальная наука; скорее это некоторый метод, некоторое научное орудие, при помощи которого наука добывает необходимые ей данные <...>. Это — практическая дисциплина, во многом являющаяся особым рода прикладной филологией»¹⁴. В отечественной научной литературе термин *текстология* стал общепринятым. При этом основополагающие принципы и приемы критики текста остались практически неизменными (хотя, конечно, со временем они совершенствовались). Зарубежные исследователи по-прежнему продолжают использовать термин *критика текста* (*textual criticism*)¹⁵.

¹² Шахматов А.А. Обзорные русские летописные своды XIV–XVI вв. СПб., 2011.

¹³ Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.; Л., 1928.

¹⁴ Там же. С. 10–11.

¹⁵ См., например: Maas P. Textual Criticism. Oxford, 1958. <<http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=11830207>>; Non-Biblical Textual Criticism // The Encyclopedia of New Testament Textual Criticism / Conceived by R. Elliott. <<http://www.skypoint.com/members/waltzmn/NonBiblical.html>>; Textual criticism // New World Encyclopedia. <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Textual_criticism>

Текстологические исследования, проводившиеся последователями А.А. Шахматова — М.Д. Присьелковым, Б.В. Томашевским, Д.С. Лихачевым, Я.С. Лурье, О.В. Твороговым и целым рядом других выдающихся историков и филологов, — заложили мощный фундамент, на котором базируется не только современное литературоведение, но и историческое источниковедение (прежде всего, источниковедение древней Руси). Принципиально важно, что выводы, основывающиеся на результатах текстологического анализа, являются верифицируемыми. В то же время до сих пор не прояснены место и роль текстологии в источниковедческом исследовании.

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Информацию о прошлом хранят тексты источников. На ее основе создаются исторические реконструкции. Впоследствии сами реконструкции гипостазируются, отождествляются с исторической реальностью, в качестве каковой и начинают изучаться на следующем этапе исторического исследования. Видимо, именно это имел в виду Р.Дж. Коллингвуд, когда писал, что история — это «рисуемая историком» «воображаемая картина прошлого», которая «претендует на истинность»¹⁶. При этом историки как бы забывают, что это — реконструкции: субъективные (в большей или меньшей степени) реальности, существующие в настоящем (но не в прошлом), и начинают изучать их уже как «объективную реальность», как то, что якобы действительно происходило в прошлом. Это, однако, не значит, что «исторические факты стали лишь функцией исторической мысли, и вообще утратило смысл представлять реальные объекты прошлого за источниками, говорить об “отражении” и реконструкции», что «история стала условной, просто течением современного мышления, обыгрывающим условные факты источников, и только»¹⁷. Хотя, когда «историки распознали активность и сложность отражающей системы», они «ужаснулись размерам ее вклада в формирование образов и утратили не только наивную доверчивость к образам, но и уважение к реальности их прототипов»¹⁸. Тем не менее, как остроумно подметил Л.С. Клейн, «мы уверенно ждем сведений о крепостном праве от новооткрытых документов дворянской России, а не французской III Республики — и не ошибаемся». Действительно, «но-

icism»; *Comfort Ph. W. Encountering the Manuscripts: An Introduction to New Testament Paleography & Textual Criticism*. Nashville, 2005; и мн. др.

¹⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 234–237.

¹⁷ Клейн Л.С. Археологические источники: учеб. пособие. Л., 1978. С. 30.

¹⁸ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию: учеб. пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004. С. 115.

вооткрываемые источники не могли бы систематически оправдывать ожидания историков, если бы историческое отражение не было бы во многом верным, объективным, если бы оно не схватывало хотя бы некоторые существенные контуры сложной жизненной картины»¹⁹.

Естественно, выводы, к которым придет историк, будут во многом зависеть от того, насколько порожденная им же самим «реальность» близка тому, что происходило когда-то на самом деле. И если построение это произвольно, изучение такого «объекта», соответственно, даст неверный результат. Точнее, истинность его невозможно будет определить, поскольку по законам логики вывод из ложной посылки может быть как истинным, так и ложным. Во всяком случае, научная значимость его будет ничтожна. Поэтому принципиальное значение имеют основания исторической реконструкции.

Качество этих оснований напрямую зависит от двух моментов: от свойств самой ретроспективной информации, почерпнутой из исторических источников, и от корректности методов ее выявления и обработки. Дальше уже все будет определяться логикой построения, соблюдением правил «здравого смысла». Они, однако, не могут быть надежным критерием при оценке достоверности информации на начальном этапе работы с источником (чем часто грешат исследователи), зато соблюдение логических норм обязательно на заключительных этапах реконструкции прошлого.

Уже в начале 30-х годов прошлого века ученые-историки задались вопросом о том, как найти основания, обеспечивающие максимальную достоверность информации о прошлом, получаемой ими из источника. Именно тогда была поставлена задача преодоления «потребительского отношения к источнику». По словам Я.С. Лурье, «в печати этот термин, употреблявшийся в повседневном научном общении 20–30-х годов, появился лишь один раз. В 1934 г. при обсуждении доклада Б.Д. Грекова “Рабство и феодализм в древней Руси” С.Н. Чернов заметил: “Если подойти к тому, как Б.Д. Греков пользуется источниками, я бы сказал (пусть не обидится на меня Б.Д.), что его отношение к ним в известной мере потребительское. Б.Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, *совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и в своих частях*”²⁰,²¹. Более подробное объяснение того, как понималось в советской историографии «потребительское отношение» к источнику, дал чуть позднее М.Д. Присёлков: «Если историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из

¹⁹ Клейн Л.С. Археологические источники. С. 30.

²⁰ Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Вып. 86. М.; Л., 1934. С. 111–112 [примеч. Я.С. Лурье].

²¹ Лурье Я.С. Предисловие // Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. [2-е изд.] / подг. текста В.Г. Воиной. СПб., 1996. С. 29 (курсив мой. — И. Д.).

нарочно для него заготовленного фонда, т.е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначально-го вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а, с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно, т.е. в его московской политической трактовке, через которую прошло огромное количество дошедших до нас летописных текстов»²².

Примерно с этого времени преодоление «потребительского отношения к источнику» связывается исключительно с методикой, предложенной на рубеже XIX–XX вв. А.А. Шахматовым. Ее принято характеризовать то как сравнительно-текстологический, то как сравнительно-исторический, то как историко-текстологический, то как историко-филологический метод, то как метод логически-смыслового анализа. Согласно этому методу (как бы его ни называть), единственной гарантией получения достоверного знания служит предварительный текстологический анализ источника.

Начиная с работ А.Е. Преснякова и М.Д. Присёлкова²³ именно текстологическому анализу (как бы он ни назывался) все чаще отводится роль едва ли не основного источниковедческого метода. Приведу всего лишь одно характерное высказывание: «Игнорировать результаты сравнения доступных нам летописей, “потребительски” использовать летописные рассказы “как таковые”, без учета параллельных текстов и летописной генеалогии, нельзя — это неизбежно приводит к произвольности и необидительности выводов, основанных на таких построениях»²⁴. Как подчеркивает Я.С. Лурье, «отказ от любых установленных критериев при оценке источника и произвольное истолкование случайно отобранных свидетельств на основе их вероятности или правдоподобия» недопустимы²⁵.

Показательна в этом отношении оговорка одного из ведущих современных исследователей позднего русского летописания. Критикуя «пред-

²² Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 36 (курсив мой. — И. Д.).

²³ Присёлков М.Д. Рецензия на книгу Вл. Пархоменко «Начало христианства Руси» // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук [далее — ИОРЯС]. Т. 19. Кн. 1. СПб., 1914; Присёлков М.Д. Русское летописание в трудах А.А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1922; Пресняков А.Е. А.А. Шахматов в изучении русских летописей // Там же.

²⁴ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 13.

²⁵ Лурье Я.С. Проблемы критики источника: на материале древнерусских памятников [пер. с англ.] // Лурье Л.С. Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под общ. ред. М.М. Крома. СПб., 2011. С. 46.

ставление о недостаточности собственно источниковедческих методов», В.Г. Вовина-Лебедева добавляет: «главным из которых в русской, да и вообще в европейской науке признавался сравнительно-текстологический метод»²⁶. При этом, правда, как-то «само собой» забывается, что исследователи так и не смогли договориться относительно того, что же, собственно, представляет собой метод текстологии в истории²⁷. Это, однако, не мешает многим исследователям рассматривать источниковедение едва ли не как часть текстологии²⁸. Недаром в последние годы практически все крупные исследования по истории, скажем, древнерусского летописания, если и не сводятся полностью к текстологическому анализу, написаны в рамках упомянутой научной парадигмы²⁹.

Видимо, за подобной точкой зрения чаще всего скрывается не вполне осознанное отождествление текстологических и источниковедческих процедур. Недаром сам термин *критика* был перенесен с текста вообще на исторический источник: так, судя по всему, появились термины *внешняя* и *внутренняя критика источника*. При этом анализ списков текста источника идентифицируется с внешней критикой источника, изучение собственно текста исторического источника — с его внутренней критикой, а интерпретация источника (как текста литературного произведения) — с исторической реконструкцией. Однако между этими процедурами существует некий зазор, а некоторые из них принципиально различны.

Не вполне ясное ощущение этого разрыва между текстологией и источниковедением послужило основанием для прямо противоположной точки зрения, согласно которой «текстологии может быть оставлена лишь формальная классификация списков и редакций, установление формальных взаимоотношений текстов, выявление формальных особенностей их,

²⁶ Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история. 2002. № 4. С. 124.

²⁷ Ср., например: Лихачев Д.С. По поводу статьи Б.Я. Букштаба // Русская литература. 1965. № 1. С. 84; Прохоров Е. Предмет, метод и объем текстологии как науки // Русская литература. 1965. № 3. С. 149; Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 91; и др.

²⁸ Ср.: Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 197; Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // История СССР. 1972. № 4. С. 52–53; и др.; Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 54–60; и др.

²⁹ Муравьева Л.Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991; Лурье Я.С. Две истории Руси XV века; Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001; и др. Симптоматично также переиздание классических работ как самого А.А. Шахматова (Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001; Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002), так и его наиболее последовательного продолжателя, М.Д. Присёлкова (Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв.).

причем содержательный смысл всех установленных отличий может быть понят лишь в рамках историко-филологических наук»³⁰. При этом правда, оставалось неясным, что имеется в виду под «историко-филологическими науками». Впрочем, подобные высказывания не нашли поддержки у большинства исследователей. Тем не менее, с одной стороны, подчеркивалось, что «текстология не может тормозить развитие истории»³¹. С другой же стороны, звучали призывы не превращать текстологию в «служанку» «все-возможных теоретических концепций»³².

Однако ни сторонники расширительного толкования функций текстологии в источниковедческом и, шире, историческом исследовании, ни их противники не уточняют, как и в какой степени результаты изучения истории текста влияют (и влияют ли вообще) на его понимание и интерпретацию, а также на работу с выявленной в источнике ретроспективной информацией.

Скажем, совершенно неясно, следует ли учитывать в историческом построении выявленные в ходе текстологического анализа цитаты, инкорпорированные в исследуемый текст источника. Любое «прямое» умозаключение «от текста к реальности», когда имеешь дело с произведениями, подобными «Слову» («Молению») Даниила Заточника, или, скажем, оригинальными древнерусскими проповедями, которые почти полностью состоят из сакральных цитат³³, чревато самыми тяжелыми последствиями. Все рассуждения, опирающиеся на такие тексты, оказываются не более чем простой догадкой. Она возникает под субъективным впечатлением современного читателя. Это — впечатление от текста, созданного в другой культуре и написанного на совершенно ином культурном языке. Если исследователь все прочитанное примет за чистую монету — он ошибется в своих выводах. Поэтому по умолчанию считается, что выявленные цитаты надо элиминировать из «производного» текста и исключать из его интерпретации. И это логично: какую информацию об изучаемом явлении может дать текст, написанный совсем по другому поводу и чаще всего совсем в другое время? С точки зрения позитивистской — никакой. Включение в исторические построения информации, почерпнутой непосредственно из цитат,

³⁰ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 22–23.

³¹ Пацуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 67.

³² Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. С. 89–90.

³³ Блестящие примеры такого рода во множестве приводит Е.Б. Рогачевская (Рогачевская Е.Б. Некоторые особенности средневековой цитации: На материале ораторской прозы Кирилла Туровского // Филологические науки. 1989. № 3. С. 16–19; Рогачевская Е.Б. Библийские тексты в произведениях древнейших русских проповедников: К постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 181–199; и др.).

приведенных автором источника, ставит исследователя в ложное положение, а все «реконструкции», основанные на них, оказываются фикциями. Именно поэтому существующая традиция исключать из рассмотрения — при интерпретации текста — все обнаруженные в нем цитаты представляется в высшей степени логичной.

В то же время, если этого не удастся сделать, историк, как правило, тут же предлагает альтернативную версию, «текстологически» объясняющую такую невозможность. Так, А.А. Зимин обращает внимание на то, что «еще А.А. Шахматов установил, что в рассказ 1037–1039 гг. составитель Начального свода 1093–1095 гг. вставил отрывок из паремейника³⁴». Однако, оказывается, «текст паремейника с добавлениями совершенно невозможно вырвать из общего рассказа 1037–1039 гг. о построении Софии, заботе Ярослава о просвещении и монастырях³⁵. Начало предполагаемой вставки является логическим продолжением предыдущего рассказа о пользе книжного учения. Если считать, что паремейником пользовался только составитель Начального свода, то следует признать, что весь рассказ под 1037–1039 гг. принадлежит его же перу»³⁶.

Приведем еще один характерный пример. Анализируя начальную часть Новгородской I летописи, М.Н. Тихомиров отмечал: «Итак, Новгородская I летопись позволяет установить ряд вставок, внесенных в текст составителями “Повести временных лет”. Выделив из состава “Повести” вставные статьи, мы получим текст, дающий некоторое представление о том, какие известия о событиях на Руси IX–X вв. имелись в древнейшей летописи. Впрочем, и в таком реконструированном виде летописные известия все-таки предстанут перед нами не в своем первоначальном виде, а в более поздней переработке, так как и текст Новгородской летописи уже имеет *составной, компилятивный* характер»³⁷.

Такие случаи в работе историка встречаются постоянно.

Столь же неясно, как быть с текстами, источники которых установить не удастся, либо направленность разночтений между которыми собственно

³⁴ Вставка «велика бо бывает полза... въсприемлетъ душа велику ползу» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее: ПСРЛ]. [3-е изд.] Т. 1. М., 1997. Стб. 152, 153; Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. С. 165). Впрочем, при реконструкции Древнейшего свода Шахматов опускает и предшествующий текст («якоже бе се некто» до начала вставки), не давая этому объяснения (Там же. С. 583) [примеч. А.А. Зимина].

³⁵ В тексте рассказа, как и в полагаемой А.А. Шахматовым вставке, неоднократно говорится о любви Ярослава к книгам (ср.: «Книгам прилежа и почитая е часто в ночи и в дне и... списаша книги многы и сниска имиже поучашесе вернии людье наслажаются ученья божественнаго...» и т.д. (Лаврентьевская летопись. Стб. 151, 152) [примеч. А.А. Зимина]).

³⁶ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 144–145.

³⁷ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 48 (курсив мой. — И. Д.).

текстологическими методами не может быть установлена однозначно³⁸. Так, например, анализируя вводную часть «Повести временных лет», В.К. Зиборов отмечает: «При сравнении приведенных вариантов Предисловия [к «Повести». — *И. Д.*] видно, как активно изменяется текст любого древнерусского произведения. Все четыре варианта представлены рукописями XV–XVII вв., т.е. они на многие века отстают от первоначальной записи XI в. В подобных случаях выявить этот первоначальный текст — задача почти неразрешимая, но условия любого текстологического исследования обязывают обращаться к решению такой задачи. Все четыре варианта Предисловия претерпели самые различные изменения. Практика анализа древнерусских произведений показывает, что в любом из них может сохраниться первоначальная деталь текста, утраченная другими вариантами, независимо от того, ранний это вариант (XV в.) или поздний (XVII в.). Решить вопрос о первичности или вторичности того или иного чтения необычайно трудно»³⁹.

Недаром исследователи раннего отечественного летописания время от времени начинают заниматься поисками ранних протографов «Повести временных лет». Так, пытаясь выявить летописные памятники X в., на которые якобы опирались составители «Повести временных лет» и предшествующих ей сводов XI в., М.Н. Тихомиров и Б.А. Рыбаков привлекали летописи XVI в., содержащие уникальные, отсутствующие в «Повести» известия о древнейшем периоде, — Устюжский свод и Никоновскую летопись⁴⁰. Вопрос о том, можно ли рассматривать так называемые избыточные известия В.Н. Татищева в качестве исторического источника, имеют столь обширную историографию, что сколько-нибудь полный анализ ее в данном случае просто невозможен⁴¹.

³⁸ Подробнее см.: *Лихачев Д.С.*, при участии *Алексеева А.А.*, *Боброва А.Г.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001 [далее — *Лихачев Д.С.* Текстология]. С. 180–240.

³⁹ *Зиборов В.К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 134.

⁴⁰ *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии. С. 43–48, 51–52; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. [М., 1963.] С. 160–173.

⁴¹ Вот лишь некоторые из работ, посвященных этой проблеме: *Шахматов А.А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни. Вып. 1. Пг., 1920. С. 94–95; *Пеитич С.Л.* О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 327–335; *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 39–53 (перепечатка в сб.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 66–83); *Валк С.Н.* «Вельмож» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24: Литература и общественная жизнь Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев [далее — ТОДРЛ]. Л.: АН СССР: Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом), 1969. С. 349–352; *Сазонова Л.И.* Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1970. С. 29–46; *Добрушкин Е.М.* О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические

Без таких «текстологических достроек» придется признать (как это делал М.Н. Тихомиров, критикуя, правда, не свои выводы, а Д.С. Лихачева): если относить начало русского летописания к XI в., окажется, что «вся древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI века снижается до крайности. Какую ценность как исторический источник может иметь, например, рассказ о княжении Игоря, если он записан более чем за 100 лет после описываемого в нем события?»⁴² Тем не менее, писал он, «принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI в., многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX в. В силу этого, например, легенда о призвании князей трактовалась как известие достоверное, хотя тут же сказание о Кие, Щеке и Хориве зачислялось в разряд преданий»⁴³. Чтобы избежать упрека в подобной алогичности, историки и филологи высказывали различные догадки о существовании якобы предшествовавших «Повести временных лет» и «Начальному своду» 90-х годов XI в. «Сказания о первоначальном распространении христианства», «Сказания о русских князьях X в.», «Повести о начале Руси», летописи Осколда и Ярослава Святославовича, древлянской летописи, свода Владимира и др.⁴⁴ Ни одна из них не обоснована текстологически.

Скажем, избыточные известия Никоновской летописи, которые были положены Б.А. Рыбаковым в основу гипотезы об «Оскольдовой летописи»

дисциплины. Л., 1970. Вып. 3. С. 284–290; Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. Историк — писатель или издатель источников? К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В.Н. Татищева // Русская литература. 1970. № 2. С. 221–222; Кузьмин А.Г. Был ли В.Н. Татищев историком? // Русская литература. 1971. № 1. С. 58–63; Лихачев Д.С. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? // Там же. С. 65–66; Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 91–109; Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 184–276; Кузьмин А.Г. Статья 1113 г. в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Вестник Московского ун-та (История). 1972. № 5. С. 79–89; Добрушкин Е.М. К вопросу о творческой лаборатории В.Н. Татищева // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1974. С. 131–138; Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. Т. 97. М., 1976. С. 281–287; Добрушкин Е.М. К изучению творчества В.Н. Татищева как писателя русской истории: Древнерусский «обычай» В «Истории Российской» // XVIII век. Вып. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 149–167; Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76–96; и мн. др.

⁴² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР: учеб. пособие [2-е изд.]. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века. М., 1962. С. 66.

⁴³ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 46.

⁴⁴ Черепнин Л.В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. [Б.м.] 1948; Тихомиров М.Н. Начало русской историографии. С. 56; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 187, 190–192.

си», проанализировал в свое время Б.М. Клосс. Он пришел к выводу, что часть уникальных известий за 6375/867–6397/889 гг. «вполне объясняется интересами той наступательной политики в отношении Казани, которую проводило московское правительство в 20-х годах XVI в., когда составлялась Никоновская летопись», другие же сведения «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя». Впрочем, замечает Б.М. Клосс, «проблема уникальных известий Никоновской летописи во всей ее полноте <...> заслуживает самостоятельного изучения»⁴⁵. Мало того, первая же проверка подобных умозрительных конструкций методами текстологии доказывает их полную несостоятельность⁴⁶. К сожалению, полная критическая проверка многочисленных догадок о «предлетописной» работе древнерусских книжников до сих пор не проведена. Их авторы, говоря словами Я.С. Лурье, «невольно возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы»⁴⁷. Именно желание как-то оправдать использование ранних сообщений «Повести временных лет» дает начало неодолимому стремлению непременно учуять в них дух русского фольклора, народных преданий, «устных летописей». К примеру, в рассказе о «чудовищной мести» Ольги Б.А. Рыбаков ощущает «древлянский дух»⁴⁸, а Д.С. Лихачев полагает, что в основе его лежит фольклорный рассказ, прославляющий мудрость Ольги⁴⁹.

Другим примером может служить использование в работе Ю.Д. Акашева⁵⁰ сведений, якобы почерпнутых В.Н. Татищевым из «Иоакимовской летописи». При этом сам Ю.Д. Акашев, следуя существующей традиции, полагает, что положительное решение вопроса о подлинности самого этого памятника (точнее — о его раннем происхождении) является одновременно доказательством достоверности (в общепринятом смысле этого слова) его известий, касающихся древнейшего периода истории Руси⁵¹.

Однако еще в XIX в. было надежно установлено, что данная «летопись», сохранившаяся лишь в выписках В.Н. Татищева, представляет собой позднейшую компиляцию из русских и иностранных известий с присоединением литературных, подчас баснословных «украшений», характерных для

⁴⁵ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 186–187, 189.

⁴⁶ См., например: Баловнев Д.А. «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»: Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

⁴⁷ Лурье Я.С. Изучение русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. 1968. Вып. 1. Л. С. 30.

⁴⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 180–181.

⁴⁹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 132–137.

⁵⁰ Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000.

⁵¹ Там же. С. 194–196; и др.

XV и особенно XVI–XVIII вв.⁵² Этот вывод поддержали С.К. Шамбинаго⁵³ и С.Н. Азбелев⁵⁴. В последнее время удалось доказать, что так называемая «Иоакимовская летопись» — мистификация (или, лучше сказать, гипотетическая реконструкция) В.Н. Татищева, «составленная с учетом “последних достижений науки”»⁵⁵. Об этом свидетельствуют не только противоречия в рассказах Татищева об обстоятельствах получения и работы с «летописью», описаниях ее внешнего вида и состава, но и текстологический анализ редакций «Истории России». Вывод, к которому пришел А.П. Толочко, работавший с татищевскими рукописями, весьма убедителен: «Псевдо-Иоаким работал на основании той же библиотеки, что и Татищев. Его текст самым тесным образом связан с проблемами, которые Татищев решает в других разделах “Истории”. Более того, псевдо-Иоаким владел уникальной информацией, доступной в 1740-х годах только Татищеву и притом делал идентичные татищевским ошибки, спровоцированные орфографией доступных Татищеву летописей»⁵⁶. При этом в прочих источниках никаких следов «Истории Иоакима» (как называл ее сам В.Н. Татищев) не прослеживается. Зато анализ разночтений в последовательных редакциях «Истории России» дает все основания утверждать, что «текст Иоакима возник параллельно и в связи с редактированием примечаний», а «идеи Татищева, либо уже содержащиеся в примечаниях, либо только возникающие в процессе их редактирования, переносились затем в текст “отрывка” в форме фактических сообщений источника»⁵⁷. «Это сегодня, — подчеркивает А.П. Толочко, — после двух столетий обследования летописных списков и огромной текстологической работы, мы знаем, что могло и что не могло читаться в древнейших из них, как мог и как не мог выглядеть древней текст. Современный исследователь держит в голове весьма детальную стемму летописания, позволяющую, постоянно сверяясь с ней, расположить практически любой текст относительно прочих текстов. Во времена Татищева подобной стеммы в уме никто не держал, в том числе и он сам, а значит, идентифицировать поздние/новые тексты было чрезвычайно проблематично, по сути дела, невозможно, что и засвидетельствовал шумный успех псевдо-Иоакима у нескольких поколений историков»⁵⁸.

⁵² *Лавровский П.А.* Исследование о летописи Якимовской // Ученые записки II отделения имп. Академии наук. Кн. 2. Вып. 1. СПб., 1856. С. 77–159.

⁵³ *Шамбинаго С.К.* Иоакимовская летопись // Исторические записки. [Б.м.] 1947. Вып. 21. С. 254–270.

⁵⁴ *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

⁵⁵ *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 242.

⁵⁶ Там же. С. 241.

⁵⁷ Там же. С. 232.

⁵⁸ Там же. С. 244.

Поэтому по меньшей мере наивно полагать, будто совершенно мифический рассказ Иоакимовской летописи о том, как в вешем сне князю Гостомыслу было предсказано рождение его дочерью Умилой сына, наследующего деду, является следом осознания и легитимации нового порядка наследования в Древней Руси. Перед нами — вольное переложение геродотовой легенды о том как было предсказано рождение Кира: сон Астиага о виноградной лозе, которая выросла из чрева его дочери Манданы⁵⁹.

Все приведенные примеры свидетельствуют об определенном кризисе традиционного понимания (или, лучше сказать, традиционного недопонимания или даже полного непонимания) древнерусских (да и всех прочих) источников, основывающемся на классическом текстологическом анализе. При всех неоспоримых достоинствах такого подхода исследователи, использующие его, все чаще сталкиваются с тем, что он — впрочем, как и любой другой метод — имеет свои пределы применения. И эти ограничения уже нельзя игнорировать.

Критические замечания в адрес так называемой шахматовской методики, сводящей источниковедческий анализ к текстологии, звучали уже не раз. И если оппоненты-филологи, как правило, ставили в упрек даже самому А.А. Шахматову отход в его историко-литературных построениях от «чистой» текстологии, то историки, напротив, полагали, что великий исследователь слишком узко подходил к летописям, замыкаясь исключительно в текстологических построениях, — вне той исторической среды, которая их породила.

Так, с одной стороны, В.М. Истрин вполне справедливо отмечал, что гипотезы А.А. Шахматова далеко не всегда базировались на собственно текстологических наблюдениях. Анализируя принципы, основываясь на которых А.А. Шахматов выделял вставные тексты, он отмечал, что «исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа. Но такое субъективное понимание текста, соединенное с особенным стремлением видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, естественно, вызывает возражение, и мы видели, что во всех случаях нет никаких оснований видеть какие-либо противоречия, которые указывали бы на наличие позднейших вставок»⁶⁰.

Эта мысль позднее получила развитие. Так, один из наиболее последовательных современных преемников А.А. Шахматова, Я.С. Лурье, подчеркивал: «Датировка Древнейшего свода, предложенная А.А. Шахматовым,

⁵⁹ Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратоновского. Л., 1972. С. 108.

⁶⁰ Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // ИОРЯС. Т. 26. Пг., 1923. С. 91; ср.: Истрин В.М. Исследования в области древнерусской литературы. Т. I–V. СПб., 1906. С. 153, 165, 173–174; и др.

имела предположительный характер, и реконструкция этого свода лишь в небольшой части опиралась на сравнительно-текстологические данные»⁶¹. Этот же исследователь отмечал: «Примером шахматовских “больших скобок” можно считать его гипотезу о “Полихроне Фотия” 1423 г. — общем источнике свода 1448 г., <...> Ермолинской летописи и Хронографа. Исследованиями последних десятилетий установлено, что и Ермолинская, и Хронограф восходили не к “Полихрону Фотия”, а к сводам второй половины и конца XV в.; предположение о “Полихроне Фотия” лишается поэтому своей текстологической основы»⁶². При такой постановке вопроса остается неясным, какие собственно «текстологические основы» были у этой гипотезы А.А. Шахматова до того, как текстологический анализ установил связь Ермолинской летописи и Хронографа со сводами второй половины XV в.? И почему эта гипотеза «лишается своей текстологической основы» только теперь? Быть может, ее не было и прежде, а была лишь гипотеза, с помощью которой А.А. Шахматов пытался объяснить текстуальные совпадения в изучавшихся им источниках?

С другой стороны, В.Т. Пашуто, например, считал, что А.А. Шахматов неправоммерно сводит исторические условия, породившие летописи, лишь к «литературной среде» — «тому составу сборников и сводов, где обретаются эти своды»⁶³. Из этого делался очень важный вывод: «Отдельные попытки Шахматова дать какое-либо смысловое объяснение полученным им чисто механическим путем построениям были произвольны как в деталях, где он широко применял конъектуральную критику, стремясь к “естественному истолкованию” “простого смысла”⁶⁴ текста, в отрыве от общей тенденции источника, в составе которого он сохранился, так и в целом»⁶⁵, а потому «в чистом виде его текстология служила практике буржуазной историографии эпохи империализма»⁶⁶. При этом, естественно, подразумевалось, что «общая тенденция источника» заведомо известна любому мало-мальски квалифицированному историку-марксисту. Позднее эти критические положения В.Т. Пашуто были поддержаны и развиты⁶⁷.

⁶¹ Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М., 1976. С. 97.

⁶² Там же. С. 101.

⁶³ Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Отчет о XII присуждении премии митрополита Макария. СПб., 1910. С. 84–85.

⁶⁴ См.: Шахматов А.А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 4. С. 32 [ссылка В.Т. Пашуто].

⁶⁵ Пашуто В.Т. А.А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 61–62; Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения. С. 72.

⁶⁶ Там же. С. 70.

⁶⁷ Например: Черепнин Л.В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах; Кузьмин А.Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. С. 5–54; и др.